Я. К. Ребане

ИЗМЕНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ, МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ЭСТОНСКОЙ ССР

В условиях перестройки, демократизации, гласности во весь рост встала задача объективного, непредвзятого осмысления положения, которое сложилось у нас в сфере национального развития и межнациональных отношений. Такое осмысление крайне необходимо для принятия эффективных практических мер по регулированию межнациональных отношений, по преодолению имеющихся противоречий.

Несмотря на специфику национальных процессов в различных регионах нашей огромной страны, в них имеется также много общего. Немало общего наблюдается и в их понимании. Поэтому, прежде чем перейти непосредственно к эстонским проблемам, хочу поделиться некоторыми соображениями относительно осмысления национальных процессов.

Как освещался национальный вопрос в прошлом? Как правило, весьма однобоко. Главным пороком не только политических деклараций, но и множества научных работ было стремление во что бы то ни стало выдавать желаемое за действительное. Реальные противоречия при этом игнорировались, негативные явления (в том числе и незаконные массовые репрессии в отношении ряда национальностей) объявлялись «отдельными» ошибками и недостатками.

В настоящее время большинство советских ученых ясно осознает, что «ленинско-сталинская национальная политика», как она именовалась в свое время, была более сталинской, чем ленинской, т. е. в ней, с одной стороны, принципы марксистско-ленинской национальной политики признавались на словах и претворялись в той или иной мере в жизнь, а с другой,— эти же принципы оказались до неузнаваемости искаженными в результате административно-репрессивного произвола. Предстоящий Пленум ЦК КПСС по национальному вопросу, по-видимому, скажет свое веское слово и по поводу оценки советской национальной политики периодов сталинизма и застоя.

Однако критикуя однобокость освещения национального вопроса в прошлом, необходимо ясно осознавать также и опасность противоположной тенденции — игнорирования наших реальных достижений. Быстрый прогресс отсталых в прошлом народов (например, переход от кочевого скотоводства к современному промышленно-аграрному обществу), образование национального рабочего класса и национальной интеллигенции, развитие национальных культур, утверждение в общественном сознании идей равноправия, сотрудничества и дружбы народов — все это и многое другое прочно вошло в актив советской национальной политики. Мы имеем много положительных достижений, составляющих хорошую основу для конструктивного движения вперед.

В настоящее время в ряде регионов страны, в том числе и в Эстонии, наблюдается обострение межнациональных отношений. Довольно часто в качестве основной причины такого обострения называют гласность: пресса якобы вышла из-под контроля и разжигает национальные страсти. Действительно, такое бывает. В условиях плюрализма мнений в прессе порой появляются и националистические, и великодержавно-шовинистические высказывания, неприемлемые для нашей идеологии. К этому как к неизбежному злу надо привыкать. Вместе с тем необходима настоящая партийная борьба против этого. Решающая роль в борьбе должна принадлежать средствам той же гласности. Тем не менее, гласность — отнюдь не первопричина обострения межнациональных отношений. Если она в чем-то и «повинна», то лишь в том, что межнациональные отношения с их противоречиями стали открыто обсуждаться.

В контексте осмысления национальных процессов хочу коснуться еще одной важной проблемы. Еще совсем недавно приходилось встречаться с весьма

своеобразным пониманием интернационального, когда интернациональное фактически сводилось к национально-русскому, к русскоязычному. При этом в частности принцип практического национально-русского двуязычия (т. е. овладения вторым языком на уровне языка общения) подменялся лозунгом полного двуязычия, принципом «двух родных языков».

Подобное представление опиралось на концепцию слияния наций, которая фактически использовалась для обоснования ассимиляторских идей. Хотя сторонники этих идей и пытались доказать, что слияние — нечто совершенно отличное от ассимиляции (а так оно в процессе длительного развития и получилось), но говоря о реальных этнических процессах в СССР, имели в виду именно ассимиляцию, «облагороженную» термином «слияние». Слияние в результате которого на почве объединения этносов возникает новый этнос — процесс весьма долгий, и примеров ему у нас пока нет. В реально осязаемом времени, в течение жизни двух-трех поколений наблюдается все-таки лишь ассимиляция. Именно путем ассимиляции (в основном, путем ассимиляции русской нацией) исчезли после Октября десятки малых народов СССР*. Думается, что пора назвать вещи своими именами: ассимиляция и есть ассимиляция, нет никакой необходимости стыдливо скрывать, что она может происходить и в нашей стране.

Реальное слияние наций — дело далекого будущего. Так рассматривал вопрос Ленин, связывавший слияние наций с развитием человечества после всемирной победы коммунизма (см. Поли. соб. соч. Т. 38. С. 182; т. 41. С. 76). С точки зрения отдаленной исторической перспективы рассматривается вопрос и Программой КПСС. Характеризуя нынешнее развитие как дальнейший расцвет и неуклонное сближение наций и народностей на основе добровольности, равенства, братского сотрудничества, Программа партии отмечает, что «это развитие несет с собой в *отдаленной исторической перспективе*» (курсив мой.— *Я. Р.*) полное единство наций». Следует сказать, что выражение «полное единство наций», перешедшее в новую редакцию Программы из прежней, не является однозначным и допускает различные толкования. Наверное, это даже хорошо. Ведь нельзя с достаточной точностью прогнозировать процессы далекого будущего.

Я не берусь судить, в какой мере концепция быстротечного «слияния наций» опирается на аналогию с национально-этническими процессами, скажем, в США. Между тем эти процессы служат как раз примером слияния путем ассимиляции: постоянно происходит американизация иммигрантов. При этом во многих случаях у них сохраняются присущие родине предков национально-этнические черты, но уже как дополняющие «среднюю» американскую культуру этнографические или «экзотические» особенности. Естественно, такие же процессы, связанные с интенсивной миграцией, имеют место и у нас. Однако в целом провозглашенный Программой КПСС основной принцип национальной политики — всесторонний расцвет и взаимное сближение наций,— существенно отличается от того плавильного тигля, каковым представляется развитие национальных процессов в США.

В свете концепции слияния наций делались также попытки истолковывать понятие «советский народ» как новую историческую общность людей. Некоторые авторы даже трактовали ее как новую национально-этническую общность. Эта трактовка весьма сомнительна. Я присоединяюсь к точке зрения, согласно которой советский народ воплощает в себе сообщество сотен миллионов граждан Страны Советов; это понятие выражает социально-экономическую и идейно-политическую, но не национально-этническую общность людей.

Возражая против интерпретации принципа «сближения» как повсеместного и быстротечного процесса слияния/ассимиляции наций (а подобные точки зрения тоже высказывались в литературе), я имею в виду, что любые межнациональные отношения, если говорить и об этнокультурных последствиях для взаи-

* Народы «исчезали» и просто в силу бюрократического доктринерства, когда при переписях населения их включали в более крупные народы (*прим. редакции*).

модействующих сторон и об их интересах,— это отношения не однолинейные, а двух- и многосторонние, которые встречаются в этой сфере. Национализм малого народа и шовинизм большого питаются из одного и того же источника — национального неравенства, национальной ограниченности, кичливости. К тому же они взаимно усиливают друг друга. И кроме того, «малый» и «большой» — понятия относительные и, скажем, азербайджанский или эстонский народ тоже является «большим» по отношению к живущим на его земле представителям других национальностей.

Я обратил внимание на ошибки прошлого отнюдь не из желания поколебать уважение к русскому народу, к его культуре и языку как к общепринятому у нас языку общения. Речь идет об ошибочных взглядах на национальную политику, решительному и окончательному преодолению которых призвана помочь перестройка.

* * *

Национальные процессы в Эстонии, как и всюду, определяются совокупностью исторических, демографических, экономических, социальных, культурных, образовательных факторов. Из этого сложного переплетения объективного и субъективного, материального и духовного, прошлого и будущего я постараюсь выделить некоторые наиболее существенные черты.

Прежде всего следует отметить, что Советская Эстония — многонациональная республика. Однако ее развитие определяется взаимодействием двух контингентов населения — эстонцев (в начале 1988 г. 61% населения) и неэстонцев в основном русскоязычных (39% населения). Все мероприятия в области регулирования межнациональных отношений должны базироваться на учете и разумном сочетании интересов этих крупных национально-этнических контингентов.

В настоящее время люди говорят открыто о том, что их особенно тревожит в сфере национальных отношений. Эстонцы озабочены чрезмерной миграцией, сокращением доли эстонцев в населении республики и на почве всего этого — будущим эстонской нации, ее языка, ее культуры. Инонациональные жители Эстонии озабочены тем, как сложится в будущем их жизнь среди эстонского народа, на земле Эстонии, которую они, их родители или даже прародители когда-то избрали местом проживания.

Открытое обсуждение национального вопроса еще больше усилило взаимную озабоченность. Об этом свидетельствуют опросы общественного мнения. Сравнивая данные соответствующих опросов, проведенных в конце 1986 г. и в апреле и сентябре 1988 г., мы видим, что изменения произошли отнюдь не к лучшему. (Первый опрос провела группа по исследованию национальных отношений Института истории партии при ЦК КП Эстонии, второй и третий — сектор изучения национальных отношений Института истории АН ЭССР совместно с Информационно-вычислительным центром Госкомитета по телевидению и радиовещанию республики). В ноябре — декабре 1986 г. было опрошено 730 эстонцев и 550 инонациональных жителей; в апреле 1988 г.— соответственно 600 и 360, в сентябре 670 и 480 (см. табл. 1, 2).

Как видно, оценка состояния межнациональных отношений стала более негативной в обеих группах. Если оценка, данная неэстонцами в 1986 г., была намного позитивней чем оценка, данная эстонцами, то в сентябре 1988 г. эти оценки уже совпадают. Что касается перспектив развития межнациональных отношений, то в эстонской группе с апреля по сентябрь 1988 г. оценки улучшились, а в инонациональной группе примерно на столько же ухудшились. Наиболее вероятная причина всех этих изменений — то обстоятельство, что с апреля 1988 г. в эстонской прессе началось оживленное обсуждение мер по защите эстонского языка (придание ему статуса государственного языка) и по ограничению миграции. Улучшение оценки эстонцами перспектив развития межна-

Таблица 1

Ответы на вопрос «Как изменились отношения между эстонцами и инонациональным населением в последние годы?»

(% ответивших)

Ответы	эстонцы			другие национальности		
	1986 г.	апрель 1988 г.	сент. 1988 г.	1986 г.	апрель 1988 г.	сент. 1988 г.
Отношения улучшились	22	3	8	42	8	6
Отношения остались прежними	41	28	15	44	49	17
Отношения ухудшились	37	69	77	14	43	77

Таблица 2

Ответы на вопрос «Как изменятся отношения между эстонцами и инонациональным населением в будущем?»

(% ответивших)

Ответы	эстонцы			другие национальности		
	1986 г.	апрель 1988 г.	сент. 1988 г.	1986 г.	апрель 1988 г.	сент. 1988 г.
Отношения улучшатся	16	11	27	58	35	25
Отношения останутся прежними	46	34	25	33	44	35
Отношения ухудшатся	38	54	48	9	21	40

циональных отношений и выражает надежду на устранение накопившихся болевых точек. Ухудшение же оценок со стороны неэстонцев свидетельствует о росте их озабоченности своим будущим. При этом приходится, к сожалению, констатировать, что вполне оправданная защита своих национальных интересов эстонскоязычной или русскоязычной прессой порой перерастает в высокомерие, в недооценку инонациональных интересов. В этом случае не соблюдается ленинский принцип, согласно которому против национальной ограниченности, национализма и шовинизма должны выступать представители данной нации. Но у нас не так уж редки случаи, когда эстонскоязычная печать энергично борется с великорусским шовинизмом, а русскоязычная печать — с эстонским национализмом. В результате такой взаимной борьбы напряжение лишь возрастает. Достижение взаимопонимания двух основных языково-этнических групп зависит от того, в какой мере удастся нашей печати и устной пропаганде освободиться от этого глубоко неправильного, вызывающего нездоровые эмоции подхода к защите своих национальных интересов.

* * *

Кроме сиюминутных идеологических промахов и ошибочных тенденций имеются и более глубокие причины, порождающие недовольство людей состоянием межнациональных отношений. Эстонцев более всего беспокоит то, что в результате притока извне все новых жителей доля эстонцев среди населения республики будет постоянно уменьшаться; и эстонцы на своей исконной родине могут стать меньшинством. О том, что такие опасения имеют под собой основания, свидетельствуют данные табл. 3.

Для удобства все абсолютные цифры в таблице округлены до тысячи, проценты — до целых чисел. Данные за 1922 и 1934 г. относятся ко всей территории тогдашней Эстонской Республики (на нынешней территории ЭССР доля эстонцев в 30-х годах составила бы около 92%). В рубрике «Другие национальности» в предвоенное время (в 1934 г.) больше половины составляли вместе немцы —

Таблица 3

Динамика численности населения в Эстонии по данным переписи*

Национальный состав населения	1922		1934		1959		1979		По оценке на 1.1.1988	
	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%
Всего жителей	1107	100	1126	100	1197	100	1465	100	1570	100
Эстонцев	970	88	992	88	893	75	948	65	956	61
Русских	91	8	93	8	240	20	409	28		
Других национальностей	46	4	41	4	64	5	108	7		
Всего инонационального населения	137	12	134	12	304	25	517	35	614	39

* Составлено по: Rahva demograafiline koosseis ja korteriolud Eestis. 1922. a. üldrahvalugemise andmed. Vihk I ja II. Tallinn, 1924, lk. 31; Rahvastiku probleeme Eestis. II rahvaloenduse tulemusi. Vihk IV. Tallinn, 1937, lk. 22; Eesti Nõukogude Entsüklopeedia. 1987, 2. kd., lk. 68—71.

18 300 и шведы — 760 чел., в 1979 г. три четверти — вместе украинцы (36 000), белорусы (23 500) и финны (17 800). Нынешняя национальная структура населения сложилась под воздействием трех главных факторов: 1) потерь во время войны; 2) низкого естественного прироста населения; 3) интенсивного притока мигрантов.

За годы войны население Эстонии уменьшилось приблизительно на 200 тыс. чел.— с 1054 тыс. в 1940 г. до 850 тыс. в 1945 г. (число 1054 тыс. выведено с учетом нынешней территории Эстонской ССР, т. е. без Петсерского (Печорского) уезда и занарвских земель, в 1945 г. включенных в состав РСФСР). Число погибших во время войны до сих пор не установлено. В годы войны из Эстонии выехали в Швецию и Финляндию, а также ушли с оккупантами 70—80 тыс. чел. В 1945—1958-е гг. в Эстонию прибыло около 285 тыс. чел., среди них не менее трети — местных жителей (демобилизованных, эвакуированных и т. д.). В те же годы в республику переселились и многие эстонцы, проживавшие в других регионах страны. Этот приток эстонцев продолжался и в последующие годы. К концу 50-х гг. возвратилось и большинство незаконно выселенных в 1941 и 1949 гг. людей (см. Eesti Nõukogude Entsüklopeedia. Tallinn. 1970. 2 kd. Lk. 68—71).

Показатели естественного прироста эстонцев по-прежнему очень низки. По неопубликованным данным, любезно предоставленным нам демографом А. Куддо, за 1961—1985 гг., т. е. за 25 лет, естественный прирост населения в республике составил 135 550 чел., в том числе эстонцев — лишь 26 980 чел., или пятую часть. Хотя за несколько последних лет естественный прирост несколько увеличился, соотношение между естественным приростом эстонцев и неэстонцев не изменилось и сейчас составляет 1:4 в пользу последних. Причины низкого естественного прироста эстонцев, во-первых, в их более высоком среднем возрасте по сравнению с неэстонцами и, во-вторых, в ориентации на семью с одним или двумя детьми, сложившуюся в результате урбанизации. В итоге численность эстонцев в республике все еще не достигла довоенной, хотя здесь обосновались на жительство десятки тысяч эстонцев из других регионов страны.

Главным фактором, меняющим этническую структуру населения Эстонии, продолжает оставаться миграция. Чрезмерные миграции стали помехой в жизни и развитии всей Советской страны. К настоящему времени сложилось парадоксальное положение. Интересы социально-экономического развития настоятельно требуют притока населения в северные и восточные районы СССР, на деле же основные потоки мигрантов направляются на юг и запад. Пришло время всем, кто планирует нашу экономику, всерьез различать необходимую миграцию, связанную с освоением новых территорий, и вредную с социально-экономической точки зрения миграцию, в результате которой одни регионы,

в частности Нечерноземье РСФСР обезлюдели, а другие, уже достаточно населенные, перенаселяются. Вследствие такой миграции возник и особый контингент людей — утратившие свои корни искатели счастья.

Для Эстонии миграция приняла явно отрицательный характер. В интересах социально-экономического развития необходимо, чтобы повсеместно задавали тон постоянные жители, те, кто — независимо от национальности — прочно связал свою жизнь с Эстонией, у кого развито чувство родного края, кто любит не только свою большую, но и «малую родину».

За счет миграции в целом в послевоенные годы в Эстонии прибавилось около полумиллиона жителей, в 1959—1987 гг.— 210 тыс. чел., что составляет в среднем 7,5 тыс. в год. Эти числа отражают сальдо миграции, данные же о ее реальных масштабах оказываются на целый порядок выше.

Особенно интенсивным приток людей в республику, как уже сказано, был в 1945—1950 гг. Тогда, в период послевоенного восстановления и была заложена основа нынешней национальной структуры промышленной северо-восточной Эстонии. В 1944 г. в этом районе шли бои с февраля по сентябрь. Разрушенным и обезлюдевшим оказался город Нарва, сильно пострадал сланцевый бассейн. Восстановление и дальнейшее развитие промышленности северо-востока республики осуществлялись главным образом силами переселившихся сюда новых (инонациональных) жителей.

Причиной, в дальнейшем постоянно обусловливающей приток иммигрантов, стал хронический (в значительной степени мнимый) дефицит рабочей силы, сопутствующий экстенсивному развитию промышленности Эстонии. Некоторые наши предприятия десятилетиями функционировали как своеобразные иммиграционные насосы: не способное создать устойчивые трудовые коллективы руководство таких предприятий постоянно привлекало из-за пределов республики людей, заинтересованных отнюдь не в работе на данном предприятии, а в возможности переменить место жительства. Таких предприятий много и в Таллине, большинство их — союзного подчинения. Поскольку они обладают ресурсами социального развития и строительными мощностями, то часть вновь прибывших при получении жилья оказывалась в привилегированном положении по сравнению с коренными жителями.

Складывавшуюся десятилетиями экономическую структуру нельзя изменить в одно мгновение. Однако в перспективе необходимо ориентироваться на развитие такой промышленности, которая действительно базируется на целесообразном использовании природных ресурсов (среди них важное место занимает географическое положение Эстонии как морской республики). Нужно развивать производство, основанное на высоких технологиях. Вместе с тем надо покончить с положением, когда морской торговый и рыбопромысловый флоты действуют как иммиграционные насосы по принципу: несколько лет в мореходном училище, далее пять лет на траулере, затем — постоянное жительство в Таллине.

Важной причиной, обусловливающей положительное сальдо миграции, служили также относительно лучшие условия жизни в Эстонии по сравнению с теми регионами, откуда люди прибывают.

Так как важным стимулом миграции служит надежда людей на лучшие условия жизни, то происходит она в значительной мере произвольно и регулировать ее административными мерами трудно. Более того, неравномерное снабжение населения и создание для столицы особых условий потребления вызывает непомерное разрастание Таллина. (То же самое происходит в Москве, Ленинграде и других «стольных» городах.) В Таллине проживает уже около одной трети всего населения республики и половина сальдо миграции (примерно 4000 чел. в год) устойчиво приходится на Таллин.

Силу притяжения Таллина можно показать на многих примерах. Так, в 1986 г. среди крупных городов СССР Таллин по розничному товарообороту на одного жителя (2241 руб.) был на втором месте после Москвы (2684 руб.).

В то же время в целом по стране розничный товарооборот на душу населения равнялся 1185 руб. («Правда», 13.12.1987). Или прирост населения. Сравним Таллин и Нарву. В 1987 году естественный прирост составил в Таллине 2650 чел., механический — 4300 чел., в Нарве — соответственно 640 и 270 чел. Прирост на 1000 чел. в Таллине (500 тыс. жителей) и в Нарве (81 тыс. чел.) был следующим:

	естественный	механический	всего
Таллин	5,3	8,9	14,2
Нарва	7,9	4,4	12,3

Оба города растут быстро, но Таллин — в первую очередь за счет механического, Нарва — за счет естественного прироста. Притягательная сила Таллина распространяется и на прилегающий к нему Харьюский район, где наиболее высок механический прирост сельского населения в Эстонии.

Чрезмерный механический прирост затрагивает интересы всех жителей Эстонии, независимо от их национальности. В целях его регулирования для предприятий промышленности, транспорта, связи, материально-технического снабжения и строительства недавно была введена плата за ввозимую рабочую силу (в Таллине и Тарту по 16 тыс. руб., в Нарве, Кохтла-Ярве, Пярну, Силламяэ и во всех окружающих эти города районах по 10 тыс. руб. за каждого работника и члена его семьи). Время покажет эффективность этой меры. Однако уже сейчас ясно, что она не уменьшает притягательности республики и ее столицы.

Миграция не только превратила Эстонию в поистине многонациональную республику, но и создала неравномерную национальную структуру по регионам. В промышленных городах северо-восточной Эстонии преобладает инонациональное население. В Нарве лишь каждый двадцатый житель — эстонец, в Кохтла-Ярве — каждый четвертый. В Таллине соотношение эстонцев и инонациональных жителей примерно один к одному. В Тарту, Пярну, Раквере эстонцы образуют три четверти населения, а в островном городе Курессааре — даже девять десятых. В городском населении (1127 тыс. чел.) республики доля эстонцев примерно 52%, в сельском населении (443 тыс. чел.) — 86%. Большинство эстонцев-горожан (около 57%) проживает в Тарту, Пярну, районных центрах и других малых городах. Сложившиеся национальная и возрастная структура населения (привлекаемые на работу мигранты — молодые) привели к тому, что постоянно сокращается доля эстонцев в рабочем классе республики, а в некоторых отраслях промышленности уменьшилась и численность рабочих-эстонцев.

Как сложится демографическая ситуация в будущем? Данные последних лет таковы: естественный прирост составляет около 6000 чел. в год, из них эстонцев — чуть больше 1000. Механический прирост — 8000 чел. в год, среди них небольшое число эстонцев (примерно 500 чел.). Таким образом, эстонское население выросло в среднем на 1500, инонациональное — на 12,5 тыс. чел. в год. Если эти тенденции упрощенно экстраполировать на будущее, то к 2000 г. население республики достигнет 1740 тыс. чел., из них эстонцев 978 тыс. или 56%, других национальностей — 762 тыс. или 44% (см.: *Ребане Я.* Основные черты национальных процессов в республике // Коммунист Эстонии. 1988. № 6. С. 23).

С другой стороны, принимая во внимание, что с сокращением или прекращением миграции начнется старение инонационального контингента и снижение его естественного прироста, демограф А. Куддо считает, что при нулевом сальдо миграции (пока лишь абстрактное допущение) этническая структура населения практически не изменится — к 2000 г. в Эстонии будет проживать 1600 тыс. чел., из них 60% эстонцев и 40% неэстонцев.

Итак, будущая национальная структура Эстонии зависит прежде всего от миграции. Нет фатальной необходимости, в силу которой эстонцы должны превратиться в национальное меньшинство на своей земле. Но ясно и то, что при

сохранении нынешних процессов это не за горами. Если такое положение вещей мы считаем нежелательным — а это так, то наступило время серьезно задуматься об ограничении миграции. Иногда в один ряд с миграцией ставится низкий естественный прирост эстонцев. Действительно, за 25 лет лишь трехпроцентное увеличение эстонского населения путем естественного прироста — крайне мало по сравнению, например, с Узбекистаном или Таджикистаном, где численность узбеков или таджиков удваивается в каждые 20—25 лет. Однако ожидать от эстонцев такого же естественного прироста было бы утопией.

Главное место в будущем должна занять экономическая саморегуляция миграции. Очень важно, например, осуществлять всю жилищную политику на основе закона стоимости, а не распределять государственные квартиры практически бесплатно, как это делается сейчас. Конечно, это возможно лишь одновременно с изменением ныне действующей системы оплаты труда и пенсионного обеспечения. Следует также рассчитывать на повышение жизненного уровня в других регионах страны.

Таким образом, при постановке любых социально-экономических, культурно-образовательных и других задач необходимо исходить из реальной национально-этнической структуры республики, а также из национальной структуры отдельных городов и районов, имея в виду, что многие общие для всего Советского Союза социальные противоречия, вызванные чрезмерной миграцией и неравномерным социально-экономическим развитием, в таких условиях приобретают дополнительно окраску национальных противоречий, а поэтому необходимы и существенные изменения в сложившихся в прошлом образе мышления, в определенных стереотипах мышления.

Типичная ситуация, с которой приходится встречаться, такова, что интересы республики, всего ее населения находятся в противоречии с претензиями какого-нибудь союзного ведомства (министерства). Кстати, именно стремление выйти из-под неразумной, нарушающей как экологические, так и национально-этнические условия жизни людей, власти центральных хозяйственных министерств, т. е. советских многонациональных корпораций, сделало к настоящему времени идею республиканского хозрасчета в высшей степени популярной среди населения Эстонии. Эта популярность сопровождается порою такими предложениями и требованиями, которые принципиально нереализуемы (например, эстонская валюта, «национализация» союзных предприятий и т. п.). Однако, сама идея республиканского хозрасчета в новой форме, на новом уровне ставит вопрос о соотношении «местных» (т. е. республиканских, национальных) и общесоюзных (т. е. общенародных) интересов.

В соответствии с укоренившимся стереотипом мышления противодействие, оказываемое на местах союзным ведомствам, квалифицируется преимущественно как проявление местничества, национальной ограниченности и т. п. Союзное ведомство утверждает, что оно выражает общенародные, общегосударственные интересы. Правда, иной раз так и бывает. Однако жизнь неоднократно подтверждала, что именно ведомственные интересы идут вразрез с общегосударственными. В развитии общества весьма обычна ситуация, когда ведомство, созданное первоначально как средство для достижения какой-либо важной цели, постепенно превращается из средства в самоцель. Происходит бюрократическое отчуждение.

Как избежать навязывания отчужденных ведомственных интересов? Их ограничение должна обеспечить перестройка в целом как с помощью новых принципов хозяйствования, так и путем демократизации общественной жизни. Наряду с этим необходимо резко изменить отношение к местным, республиканским, национальным интересам. Следует исходить из того, что не в ведомственных, а именно в местных интересах с большей вероятностью представлены общенародные интересы. Близкое к экологической катастрофе состояние природы Северо-Восточной Эстонии — не исключение. Загрязнение Байкала и Ладоги, ужасное состояние Аральского моря, гибель обширных лесных массивов вокруг

электростанций в Сибири, заболачивание и засоление орошаемых земель на юге страны, как и затопление рукотворными морями сел и плодородных нив России и Украины или погребение в отвалах ценнейшего ископаемого сырья — все это доказывает, что ведомства на деле игнорировали общегосударственные, общенародные интересы.

Итак, к защите республиканских и национальных интересов следует относиться не как к проявлению местничества или даже национализма, а как к индикатору, с большей долей вероятности указывающему на неприемлемость отчужденных ведомственных интересов. Это приложимо не только к экономике, но и к народному образованию, культуре, здравоохранению и пр. Такая установка соответствует также основному демократическому принципу организации общественной жизни, по которому пожелания и чаяния народа должны быть решающим фактором при принятии государственных решений. В этих целях следовало бы значительно увеличить национальное представительство в центральных органах исполнительной власти (министерствах и др.). Разумеется, при этом не нужно стремиться к какому-то заданному процентному соотношению (ведь руководителей следует подбирать по способности, а не по национальности). Представительство национальностей на высших постах в центральных органах исполнительной власти особенно необходимо для того, чтобы вносить коррективы в сложившиеся стереотипы мышления и предотвращать неизбежные в процессе руководства огромным многонациональным государством попытки регламентировать, невзирая на различия, все и вся по единому образцу, одинаково для Казахстана и Латвии, Армении и Украины, Челябинска и Таллина.

Когда речь идет о стереотипах мышления, следует также обращать внимание на то, какое значение при планировании тех или иных народнохозяйственных мероприятий придается их чисто экономическим, социальным, экологическим и национально-этническим результатам. До сих пор однозначно преобладал учет чисто экономической эффективности. Лишь в ходе перестройки начали как следует учитывать социальную и экологическую сторону планируемых народнохозяйственных мероприятий. Надо сделать еще один шаг и понять, что сфера национально-этнических процессов также нуждается во введении таких регулирующих принципов, или принципов запрета, как это делается в области экологии. Ведь исчезновение десятков малых народностей в СССР произошло в основном стихийно в процессе такого хозяйственного развития, при осуществлении которого не учитывались национально-этнические последствия. В дальнейшем регулировании народнохозяйственной деятельности надо этого избегать. Важное место при этом должно принадлежать образу мышления, согласно которому нежелательные национально-этнические последствия имеют такую же запретительную силу как нарушение допустимых норм загрязнения среды.

* * *

В настоящее время в Эстонии оживленно обсуждаются вопросы, связанные с намерением объявить эстонский язык государственным. Идут острые споры, наблюдается даже конфронтация больших групп населения по языковому признаку. Суть дела в том, что два основных национально-этнических контингента — эстонцы и русскоязычные неэстонцы — живут как бы собственной жизнью. Интеграция неэстонцев в систему эстонского языка и эстонской национальной культуры явно недостаточна. Взаимная ассимиляция, «слияние» друг с другом незначительно. Поскольку одним из показателей слияния считаются межнациональные браки, то обратимся к ним.

В 1987 году в Таллине национальная структура браков была такой (данные из интервью заведующего Таллинским отделом загса П. Кюттиса газете «Ноорте хяэль» 28 февраля 1988 года): чисто эстонских браков — 1725, чисто русских — 1510, эстонско-русских — 277, русско-украинских — 404, русско-белорусских — 159, эстонско-финских — 91. Эти данные отчетливо указывают на национально-этнические предпочтения при выборе спутника (спутницы) жизни. Если бы таких предпочтений не было, то число эстонско-русских браков много-

кратно превысило бы число русско-украинских браков. (Среди населения Таллина русских насчитывается примерно 40%, украинцев — 4, белорусов — 2,5, финнов — 1%, а эстонцы составляют немногим менее 50%).

Кстати, эти данные свидетельствуют и о том, что «усредненный» процент межнациональных браков (в данном случае, 22% из всего числа браков) может создать превратное представление о слиянии национальностей. На деле у нас наблюдается не слияние национальностей вообще, а слияние украинцев, белорусов, представителей многих других национальностей с русскими. Эстонцы же объединяются главным образом с финнами.

Языковая ситуация в республике, с точки зрения коренного населения, неудовлетворительна. Она неудовлетворительна в том смысле, что инонациональное население мало владеет эстонским языком, а не в смысле функционирования самого эстонского языка, хотя и здесь надо многое еще улучшить. Вот некоторые данные. Десятитомная эстонская Советская Энциклопедия (второе изд.) издается тиражом 220 000 экз. (Тираж ее 1-го издания был 65 000). В 1986 г. на национальных языках республик было издано книг (названий — данные из сб. «Печать в СССР в 1986 году». М., 1987. С. 14): на русском — 64 001; на литовском — 2039; на украинском — 1828; на грузинском — 1764; на эстонском — 1422; на латышском — 1048; на узбекском — 955; на азербайджанском — 869; на армянском — 803; на казахском — 676; на молдавском — 545; на таджикском и на киргизском — 394; на белорусском — 383; на туркменском — 325.

Эти материалы дают пищу для многих выводов. Вот наиболее значительные. Во-первых, огромен массив литературы на русском языке, который служит не только языком межнационального общения, но и мощным средством информации вообще. Во-вторых, различия в издании литературы на национальных языках очень велики. Они требуют серьезного анализа. Ведь эти различия проявляются еще более рельефно, если приведенные данные сопоставить с численностью соответствующей нации. (Для сопоставления взяты данные переписи 1979 г.; ныне пришлось бы для республик Средней Азии считаться с гораздо большей численностью населения, что лишь усилило бы различия). В 1986 г. на 1000 чел. данной национальности было выпущено книг и брошюр (названий): на эстонском — 1,39; на латышском — 0,76; на литовском — 0,72; на грузинском — 0,49; на русском — 0,47 (здесь учтены только русские по национальности, на деле русскоязычной литературой пользуется больше людей); на киргизском — 0,21; на армянском — 0,19; на молдавском — 0,18; на азербайджанском и туркменском — 0,16; на таджикском — 0,14; на казахском — 0,10; на узбекском — 0,08; на украинском и белорусском — 0,04. Несмотря на относительность такого сопоставления (информацию нельзя делить на «душу населения» аналогично количеству предметов потребления), различия весьма существенны.

У нас нет точных данных о действительном владении эстонским и русским языками. Данные переписи населения 1979 г. недостоверны, ибо тогда задавался вопрос, владеет ли человек языком «свободно», и знание языка указывалось согласно самооценке. Можно надеяться, что очередная Всесоюзная перепись населения 1989 г. даст более качественные сведения о знании языков. Сейчас на основании социологических опросов можно считать, что русским языком как языком общения владеют девять десятых эстонцев (свободно — по меньшей мере четвертая часть); эстонским языком владеет приблизительно одна треть инонационального населения (свободно — десятая часть). Таким образом, эстонцы знают русский язык значительно лучше, чем неэстонцы — эстонский. В то же время большинство неэстонцев получили образование в школах Эстонии, где эстонский является учебным предметом.

В возникновении такого положения во многом виновата система народного образования. Русскоязычная средняя школа в Эстонии была до сих пор десятилеткой, работавшей по программам РСФСР (Срок обучения в эстонских шко-

лах — 11 лет). Правда, в программы русских школ введены эстонский язык и некоторые сведения об Эстонии, но дополнительный учебный год для их изучения не предусмотрен. Если к этому добавить отсутствие квалифицированных педагогов (подготовка учителей эстонского языка для русскоязычных школ начата только недавно), то понятно, почему многие выпускники этих школ не владеют эстонским языком даже на элементарном уровне и не знают ни истории, ни географии Эстонии, хотя официально на изучение этих предметов выделено определенное число учебных часов. За время всего обучения в средней школе на эстонский язык отводится около 600 уроков (в эстонских школах на русский язык — 1200 уроков), на историю и географию Эстонии — соответственно 6 и 8 процентов всего учебного времени, предусмотренного на эти предметы. Эстонская литература в учебный план не входит, ее можно изучать лишь факультативно в IX и X классах. Однако фактическое преподавание этих предметов, как и эстонского языка, нельзя считать удовлетворительным.

В начале этого года ЦК КП Эстонии, учитывая создавшееся положение, наметил ряд мер, призванных значительно улучшить знание эстонского языка неэстонцами и русского — эстонцами. Большинство откликов на эти меры — положительные. Люди понимают, что необходимо одновременное владение эстонским и русским языками. Однако имелись и возражения, суть которых вкратце сводится к следующему.

Со стороны эстонцев: мы живем в Эстонии, и нам достаточно знать эстонский язык, русский язык нам не нужен.

Со стороны русских и других инонациональных жителей: мы живем в Советском Союзе, и нам достаточно знать русский язык. Эстонский язык нам не нужен, так как в будущем мы, возможно, станем жить в другой республике.

Следует признать, что, соблюдая принципы языковой демократии, нельзя обязывать граждан изучать тот или иной язык. Цель намеченных мер отнюдь не в том, чтобы насильно заставить овладеть эстонским языком представителей других национальностей, а всех не знающих русского языка эстонцев — изучать его.

На деле эти меры касаются двух обширных сфер деятельности: народного образования и ряда профессий и должностей.

Во-первых, народное образование. Изучение второго языка в качестве языка общения включено у нас в школьные программы, как и изучение третьего — иностранного — языка, математики, истории, химии и др. Нужно лишь хорошо преподавать эстонский или русский язык, нужно, чтобы и тот, и другой были нормальными учебными предметами, как та же математика или история. Сейчас это не всегда так. До сих пор наблюдается тенденция объяснить упущения в обучении эстонскому языку неэстонцев (и русскому языку эстонцев) отсутствием у учащихся или даже у их родителей «необходимой мотивации». Конечно, мотивация — важный фактор в изучении языка. Однако таким образом можно все недостатки школы списать на отсутствие мотивации у учеников и их родителей. Кроме того, главная мотивация заключается в самом образовании, получении свидетельства об образовании, выдаваемого лишь после усвоения всего предусмотренного учебной программой. Поэтому, на мой взгляд, изучение эстонского и русского языков в школах не может быть «добровольным», как не может быть добровольным и изучение математики.

Во-вторых, существует немало должностей, характер которых предполагает владение двумя языками. При замещении этих должностей надо требовать знания обоих языков, стимулировать это знание и формировать для него соответствующую мотивацию. Таких должностей много в государственном и партийном аппарате, торговле, бытовом обслуживании, здравоохранении, народном образовании, правоохранительных органах и др. Знание двух языков общения необходимо всем, кто управляет людьми, либо обслуживает их. В будущем (сразу это невозможно, но и особенно откладывать не следует) нужно начать требовать от таких работников знания двух языков как обязательных для профес-

сиональной квалификации. Речь идет именно о профессиональной квалификации, и это требование совершенно не противоречит языковой демократии.

В вопросах языка, как и в других связанных с национальными отношениями, мы теперь начали распутывать узлы, которые образовывались десятилетиями. В этих вопросах необходимо действовать особо осмотрительно. Нельзя обвинять людей в том, в чем сами они не виноваты. Кроме того, требования в отношении знания языков вряд ли могут быть одинаковыми для Таллина (соотношение эстонцев и неэстонцев 1 : 1) и для Нарвы (соотношение эстонцев и неэстонцев 1 : 20). Всякие неосмотрительные действия в этой области могут лишь усилить наметившийся раскол населения республики по национальному признаку, выражающийся в противопоставлении Народному фронту Интернационального движения.

Речь отнюдь не идет о принижении значения русского языка. Поскольку в течение длительного времени обращалось внимание лишь на овладение эстонцами русским языком, то сегодня на первом плане стоит другая задача — добиться, чтобы неэстонцы лучше владели эстонским языком. Обстановка благоприятствует этому, по данным проведенного весной опроса общественного мнения, 71—72% неэстонцев намерены жить в Эстонии постоянно, а 90% инонациональных жителей считают, что эстонским языком должны владеть все живущие в Эстонской ССР. Теперь основные трудности лежат в плоскости реального обеспечения возможностей изучения эстонского языка.

Следует, однако, отметить, что владеть русским языком считает необходимым лишь 75% опрошенных эстонцев. Этот факт требует глубокого осмысления; видимо, дело здесь не только в ответной реакции на попытку провести в жизнь лозунг «второго родного языка», но и в том «вкладе», который вносят отдельные эстонскоязычные средства массовой информации, впавшие из одной крайности в другую и перешедшие от недооценки эстонского языка к полной его абсолютизации. Ведь защита эстонского языка, включая превращение его в государственный на территории Эстонии, отнюдь не означает принижения значения русского языка как средства межнационального общения. Знание этих двух, а также трех и более языков — это прежде всего вопрос культуры, образованности. Кичиться неумением разговаривать на другом языке — то же, что хвастаться малограмотностью. Было бы очень грустно, если бы забота эстонцев о будущем своей нации, своего языка, своей культуры выразилась бы в попытках утвердить свое национальное превосходство, придать национальному самосознанию, национальной гордости эстонцев откровенно шовинистические черты. Такая опасность существует, и ее нужно предотвратить. Реальное расширение сферы применения эстонского языка зависит в значительной мере от уровня культуры общения самих эстонцев с инонациональными жителями республики.

В Эстонии, помимо эстонцев и русских, живут представители многих других национальностей. В прошлом вопрос о возможностях культурной деятельности в области своих национальных культур у украинцев, белорусов, финнов, евреев и др., а также у русских в тех местах, где они не составляют компактного национального большинства, по-настоящему не ставился. Сейчас в Эстонии предприняты первые шаги в этом направлении. В этих целях представители различных национальностей организуют общества и землячества. В этих целях нынешней осенью в Таллине был также созван форум народов. По-видимому, такая деятельность нуждается и в правовом регулировании, в разработке принципов своеобразной «культурной автономии».

* * *

Основные характеристики национальных процессов в Эстонии можно представить следующим образом:

1. Эстонская нация не ассимилируется, эстонский язык и культура развиваются на собственной, национальной основе. Однако доля эстонцев в населении

республики сократились с 92% в 30-х гг. до 61% в настоящее время, и этот процесс продолжается; в связи с сокращением доли эстонцев в населении и возникновении районов с преобладанием инонациональных жителей сузилась сфера применения эстонского языка.

2. Главным фактором, вызвавшим изменение национального состава населения Эстонии, явилась чрезмерная миграция, обусловленная экстенсивным развитием экономики, а также тем, что при планировании социально-экономического развития Советской Эстонии не учитывались его национально-этнические последствия.

3. Инонациональному населению принадлежит важное место в народном хозяйстве и в других сферах деятельности, однако бо́льшая часть инонациональных жителей недостаточно интегрирована с социально-политической жизнью Эстонии и эстонской культурой, притом лишь одна треть их владеет эстонским языком.

4. Негативные явления в области национальных процессов (уменьшение удельного веса эстонцев в населении республики, сужение сферы использования эстонского языка, безразличие части инонациональных жителей к эстонской культуре) породили у части эстонцев опасения за будущее своей нации и чувство национальной ущемленности, что стремятся использовать в своих интересах противостоящие социализму националистические силы как у нас в стране, так и за границей.

Регулирование национальных отношений не ограничивается лишь непосредственно воспитательной, разъяснительной работой. Эта работа крайне необходима, но сам по себе ее результат — национальное самосознание и его интернационалистская либо, напротив, националистически-шовинистическая направленность — формируется не только воспитанием, но и под воздействием разнообразных глубинных процессов — экономических, демографических, культурных, образовательных и т. д. Поэтому управление национальными процессами и межнациональными отношениями на деле осуществляется как бы в трех плоскостях.

Первая. Управление глубинными социально-экономическими процессами. Планируя хозяйственные, культурные, социальные и прочие мероприятия, необходимо учитывать их национально-этнические последствия. Эстонцы не должны стать национальным меньшинством на своей земле. Миграцию следует ограничить. Условием такого ограничения служит интенсивное развитие всех отраслей производства, повышение производительности труда на основе его механизации, автоматизации и лучшей организации, увеличение доли эстонцев в промышленности, строительстве, морском торговом флоте и др. Разрабатывая планы развития нашей республики, нужно избегать всего увеличивающего приток рабочей силы извне.

Подобные меры не означают закрытия границ республики или отказа от притока высококвалифицированных работников. Речь идет о ликвидации такого положения, когда экстенсивное развитие экономики вызывает массовую иммиграцию в республику рабочей силы низкой квалификации. Наряду с ограничением миграции необходимо способствовать увеличению естественного прироста эстонцев, стимулируя рождаемость культурно-просветительными и воспитательными мерами.

Вторая плоскость связана с рассчитанной на длительное время работой в сфере народного образования и культуры. Нынешняя объективная ситуация наряду с регулированием глубинных социально-экономических процессов нуждается также в мерах, направленных на улучшение взаимосвязи между двумя основными национально-этническими контингентами и прежде всего на интеграцию проживающего в Эстонии инонационального населения с многообразной жизнью Эстонии, системой эстонского языка и культуры. Такая интеграция, «вживание» — долговременный процесс, но до сих пор для управления им делалось недопустимо мало. Нужно добиваться знания эстонского языка как язы-

ка общения (на принципах, о которых говорилось выше), большей вживаемости инонациональных жителей в эстонскую культуру и атмосферу жизни республики, активной деятельности самого инонационального населения на ниве своих национальных культур и соответствующих землячеств и т. п. Все это должно способствовать укоренению инонационального населения, для которого Советская Эстония является «малой родиной». Вместе с тем необходимо последовательно добиваться хорошего знания эстонцами русского языка как языка межнационального общения, а также знания истории и культуры русского и других народов СССР, глубокого развития чувства советского патриотизма, любви к общей Родине всех советских народов.

Третья плоскость, тесно связанная с предыдущей, но относительно самостоятельная,— это непосредственное интернационалистское воспитание и пропаганда, воспитание людей в духе дружбы народов и советского патриотизма. И на этом участке предстоит коренным образом улучшить дела.

Главный недостаток этой работы в прошлом заключался в ее формальном, лозунговом характере, когда игнорировались реальные противоречия. Кроме того, в условиях развертывания гласности в Эстонии, как и в других прибалтийских республиках, остро встала задача правильной оценки многих событий прошлого, которые нашей официальной исторической наукой освещались необъективно (например, отношения между СССР и Эстонией в 1939—1940 гг., незаконные репрессии периода сталинизма, в том числе массовые депортации людей в июне 1941 г. и в марте 1949 г. и др.).

Теперь печать и устная пропаганда в Эстонии стали уделять внимание «болевым точкам» в межнациональных отношениях, а также переоценке многих событий прошлого. Чтобы исправить положение, нужно, естественно, вскрыть недостатки. Однако нельзя впадать из одной крайности в другую и вместо игнорирования недостатков (как это было в прошлом) заняться только разоблачением, пренебрегая подлинными достижениями национальной политики Коммунистической партии (как это, к сожалению, делается теперь в некоторых публикациях по национальному вопросу и по истории Эстонии).

Итак, в Эстонии, как и повсюду в стране, идет перестройка. Она самым непосредственным образом касается и межнациональных отношений. Сейчас, когда национальный вопрос живо обсуждается в печати, на собраниях, в личных разговорах, особенно необходимы уравновешенность и спокойствие. Анализируя национальный вопрос, надо избегать односторонности, всплесков национальных страстей, подогревания эмоций. Нужно всемерно оберегать дружбу народов. Только на этой основе возможно конструктивно, в интересах всех жителей Эстонии, регулировать и улучшать национальные отношения, поднять на новую, более высокую ступень общежитие и сотрудничество людей разных национальностей.